

*Моим родителям,
Шейле и Фрэнку Беккет*

Глава 1

Кожа.

Самый большой человеческий орган, а также и самый малоизученный. На нее приходится восьмая часть массы всего тела, а площадь кожи взрослого человека составляет порядка двух квадратных метров. По своей структуре кожа — произведение искусства, скопление капилляров, желез и нервов, которое одновременно и защищает, и регулирует. Это наш сенсорный разделитель, граница с внешним миром, барьер, за которым заканчивается наша индивидуальность, наше «я».

И даже после смерти от этой индивидуальности что-то остается.

Когда тело умирает, бактерии, которых жизнь держала в узде, срываются с цепи. Они пожирают стенки клеток, высвобождая содержащуюся в клетках жидкость. Жидкость поднимается к поверхности, скапливаясь под кожными слоями и разделяя их. Кожа и плоть, доселе бывшие неотъемлемыми частями целого, начинают отделяться друг от друга. Образуются пузыри. Целые слои начинают сползать, соскальзывая с тела, как ненужная одежда в летний день.

Но, даже мертвая и сброшенная, кожа сохраняет следы своей былой сути. Даже теперь у нее еще есть о чем поведать, есть свои нераскрытые тайны.

Конечно, если знать, куда и как смотреть.

Эрл Бейтмен лежал на спине, лицом к солнцу. Наверху, в ясном синем небе Теннесси, совершенно безоблачном, не считая медленно растворявшегося следа от пролетевшего самолета, кружили птицы. Эрл всегда любил солнце. Ему нравилось, как щиплет кожу от солнца после проведенного на рыбалке дня, нравилось, как солнечные лучи преображают все, на что падают. Эрл был уроженцем Чикаго, и воспоминания о тамошних холодных зимах навсегда сохранились в его памяти.

В семидесятых годах он перебрался в Мемфис и обнаружил, что теплая влажность ему куда более по вкусу, чем продуваемые ветрами улицы родного города. Конечно, будучи зубным врачом с не очень обширной клиентурой и имея на содержании молодую жену и двух малолетних детишек, он не мог проводить на свежем воздухе столько времени, сколько бы ему хотелось. Но они жили здесь, и это главное. Ему нравилась даже здешняя изнуряющая летняя жара, когда ветерок ощущался как горячая мягкая мочалка, а вечера приходилось проводить в духоте крошечной квартирки, где они ютились с Кейт и мальчиками.

С тех пор многое изменилось. Клиентура разрослась, и врачебная практика процветала, ту квартирку они давным-давно поменяли на куда большее и лучшее жилье. Два года назад Бейтмены переехали в новый пятикомнатный дом в хорошем районе, с большой зеленой лужайкой, по которой носилась орава их подрастающих внуков и где под лучами раннего солнца в тоненьких струйках разбрызгивателей танцевали крошечные радуги.

Именно на этой лужайке, когда он, обливаясь потом и ругаясь, пилил высохший сук на огромной

| 8 | старей раките, его и настиг сердечный при-

ступ. Он оставил пилу в дереве и даже сумел сделать несколько неуверенных шагов к дому, прежде чем его свалила боль.

В карете «скорой помощи», лежа с кислородной маской на лице, он крепко сжимал руку Кейт и даже пытался улыбнуться, чтобы ее успокоить. В госпитале воспоследовала обычная беготня персонала «неотложки», втыкание всяких иголок и писк медицинского оборудования. Наконец все закончилось, и когда были подписаны необходимые бумаги — неизбежные бюрократические заморочки, сопровождающие каждого из нас с самого рождения, — тело Эрла отпустили с миром.

И вот теперь, уже без одежды, оно лежало под весенним солнцем на низком деревянном каркасе, возвышавшемся над ковром из травы и листьев. Оно находилось тут уже неделю. Достаточно для того, чтобы плоть разложилась, обнажив кости и хрящи под высохшей кожей. На макушке черепа, взиравшего в голубое небо пустыми глазницами, еще оставались прядки волос.

Я закончил с измерениями и вышел из проволочной клетки, защищавшей тело дантиста от птиц и грызунов. И смахнул пот со лба. Полдень был жарким, хотя весна еще только начиналась. В этом году она запаздывала, почки едва набухли и потемнели. Через пару недель все уже распустится, но пока что березы и клены лесов Теннесси придерживали новую зелень, будто не спешили отпустить ее на волю.

Склон, на котором я находился, был в общем-то ничем не примечательным. Довольно живописный, хотя куда менее впечатляющий, чем величественные гребни Дымчатых гор, возвышавшиеся вдалеке. Но было здесь нечто такое, что поражало

всех приходящих сюда. Повсюду лежали человеческие тела на разных стадиях разложения. В подлеске, под открытым солнцем и в тени. Наиболее свежие, распухшие от выделяемых разложением газов, и те, что лежали давно и высохли, как подошва. Некоторые были скрыты от глаз, закопаны в землю или спрятаны под машинными покрывками. Другие, как то, которое я изучал, защищенные проволочной сеткой или рабицей, были выставлены на вид, как экспонаты некоей жуткой художественной инсталляции. Но это место имело совсем другое предназначение, нежели выставочный зал. И отнюдь не предполагалось его посещение широкой публикой.

Я убрал оборудование и блокнот в сумку и несколько раз согнул руку, избавляясь от напряжения. Там, где была рана до кости, ладонь пересекал тонкий белый шрам, четко разделяя «линию жизни». В общем-то довольно уместно, учитывая, что нож, едва не оборвавший мою жизнь в прошлом году, заодно изменил и ее.

Я закинул сумку на плечо и выпрямился. После того как я набрал вес, живот уже практически не болел. Шрам под ребрами полностью зарубцевался, и через пару-тройку недель уже можно будет прекратить принимать антибиотики, на которых я постоянно сидел последние девять месяцев. Всю оставшуюся жизнь я буду предрасположен к инфекциям, но я считал, что легко отделался. Я потерял лишь кусок кишечника, а заодно и сплин.

А вот смириться с тем, что я еще потерял, было куда тяжелее.

Оставив дантиста медленно разлагаться дальше, я обошел частично прикрытое кустарником другое тело, темное и раздувшееся, и двинулся по узкой тропинке, вьющейся между деревьями.

Молодая чернокожая женщина в серой хирургической блузе и таких же штанах склонилась над полускрытым трупом, лежавшим в тени ствола упавшего дерева. Она пинцетом снимала с трупа извивающихся личинок и убирала каждую в отдельную баночку с завинчивающейся крышкой.

— Привет, Алана, — сказал я.

Она подняла голову и улыбнулась.

— Привет, Дэвид.

— Тома тут нет поблизости?

— Иди дальше по тропинке, я его там видела.

И смотри, куда ноги ставишь! — крикнула она мне вслед. — Там где-то в траве окружной прокурор.

Я рукой показал, что слышу, и поплелся в указанном направлении, параллельно высокому забору из сетки, окружавшему два акра леса. По верху забора шел барьер безопасности — спираль из армированной колючей проволоки, — а за сеткой стоял еще один забор, уже деревянный. Единственным входом и выходом служили огромные ворота с большим нарисованным знаком. Черными буквами были выведены слова «Антропологическая научная станция», но в народе это место называли по-другому: «трупоферма».

За неделю до этого я стоял в выложенном плиткой коридоре своей лондонской квартиры, у ног были собранные сумки. С улицы, из бледных весенних сумерек, доносилось нежное птичье пение. Я мысленно пробежался по списку, проверяя, все ли сделано. Окна закрыл, сигнализацию включил, бойлер выключил. Я нервничал, и мне было не по себе. Мне не привыкать путешествовать, но сейчас все иначе.

Теперь никто не будет ждать моего возвращения.

Такси опаздывало, но до вылета оставалась еще куча времени. И все же я поймал себя на том, что постоянно смотрю на часы. Глаз зацепился за черно-белые плитки викторианского пола в паре футов от места, где я стоял. Я отвел взгляд, но не раньше, чем эта арлекинада вызвала в моей памяти обычные ассоциации. Кровь давно уже смыли с места возле входной двери и со стены над ней. Весь коридор заново покрасили, пока я валялся в госпитале. Не осталось никаких видимых напоминаний о том, что случилось здесь в прошлом году.

Но тем не менее мне показалось, что я задыхаюсь. Я выволок багаж на улицу, стараясь не перенапрягать живот. Появилось такси, и я захлопнул входную дверь. Она закрылась с глухим стуком, в котором послышалась какая-то завершенность. Я повернулся и, не оглядываясь, зашагал туда, где урчала мотором ожидающая меня машина.

На такси я доехал только до ближайшей станции подземки, а там сел на линию «Пиккадилли» до «Хитроу». Для утреннего часа пик было еще слишком рано, но в вагоне все же было довольнолюдно. Но никто ни на кого не обращал внимания, пассажиры держались с инстинктивным равнодушием лондонцев.

Мне надо радоваться, что уезжаю, убеждал я себя. Второй раз в жизни у меня возникло огромное желание убраться из Лондона. В отличие от первого раза, когда я улетал после того, как моя жизнь разлетелась вдребезги со смертью жены и дочери, сейчас я знал, что вернусь обратно. Но мне необходимо было ненадолго отсюда удрать, чтобы дистанцироваться от недавних событий. Помимо всего прочего, я не работал много

месяцев. И надеялся, что эта поездка поможет

| 12 | мне вернуться в свою колею.

И выяснить, нравится ли мне еще моя работа.

Не было места лучше, чтобы прояснить этот вопрос. До недавнего времени научная станция в Теннесси была уникальной, единственная полевая лаборатория в мире, где антропологи-криминалисты на настоящих человеческих трупах изучали стадии разложения, фиксируя основные факторы, по которым можно определить время и причину смерти. Теперь такие же станции создали еще в Северной Каролине и Техасе — как только удалось решить проблему с грифами-стервятниками. До меня даже доходили слухи еще об одной, в Индии.

Но совершенно не важно, сколько их: для большинства людей именно станция в Теннесси остается той самой «трупфермой». Она находилась в Ноксвилле и входила в состав Центра криминалистической антропологии Университета Теннесси. И мне повезло пройти там практику в начале карьеры. Но уже годы миновали с моего последнего визита туда.

Сидя в зале вылета Хитроу и наблюдая за медленным и бесшумным танцем самолета за стеклом, я размышлял, каково это будет — вернуться туда. За время долгих месяцев трудного выздоровления после выписки из госпиталя — и еще более болезненных последствий — перспектива месячной поездки сулила возможность начать все заново.

И вот теперь, уже практически тронувшись в путь, я размышлял, а стоит ли выделки овчинка.

Я на два часа застрял в Чикаго, ожидая пересадки. Когда самолет приземлился в Ноксвилле, там еще грохотали отголоски грозы. Но они быстро смолкли, и к тому моменту, когда я получил багаж, сквозь тучи уже пробивалось солнце. Выйдя из аэропорта и направившись к взятой напрокат машине, я глубоко вдохнул, наслаждаясь непривычной влаж-

ностью воздуха. Испарения над дорогами пахли едким мокрым бетоном. На фоне медленно рассасывающихся иссиня-черных грозовых туч окружающая шоссе буйная растительность тускло мерцала.

По мере приближения к городу мое настроение улучшалось. Все будет хорошо.

Но теперь, всего лишь неделю спустя, я уже не был так в этом уверен. Я топал по тропинке вдоль поляны, на которой стояла высокая деревянная тренога, похожая на каркас вигвама. Под ней на поддоне лежало тело, ожидая, когда его поднимут и подвесят. Сойдя с тропинки — и памятуя о предупреждении Аланы, — я пересек поляну, направляясь туда, где на земле лежали прямоугольные бетонные плиты, геометрически четко выложенные посреди леса. В них были утоплены человеческие тела — здесь изучали, насколько эффективен для обнаружения трупов георадар.

В нескольких ярдах дальше стоял на коленях высокий неуклюжий человек в слаксах и мягкой панаме, хмуро разглядывая измерительный прибор на торчащей из земли длинной трубке.

— Как дела? — поинтересовался я.

Том Либерман — директор станции и мой учитель — даже не повернулся, глядя через очки в металлической оправе на прибор и бережно водя по нему пальцем.

— Думаешь, уловить такой сильный запах просто, да? — проговорил он вместо ответа.

Он глотал гласные, что выдавало в нем уроженца Западного побережья, а не жителя Теннесси с их медленной южной тягучей речью. Сколько я его знал, Том Либерман находился в поисках собственного Священного Грааля, анализируя каждую молекулу газа, вырабатываемую при разложении, чтобы

определить запах гниющей плоти. Каждый, у кого хоть раз под полом дома сдохла мышь, подтвердит, что этот запах существует и держится еще долго после того, как человеческое обоняние перестает его улавливать. Собак можно натренировать находить трупы по запаху даже спустя много лет после захоронения. Том выдвинул теорию, что возможно создать сенсор, способный делать то же самое, и с помощью этого прибора обнаружение трупов значительно упростится. Но, как оно часто бывает, теория и практика — две большие разницы.

Крякнув, то ли раздраженно, то ли удовлетворенно, он встал.

— Ладно, я закончил, — сообщил он, поморщившись, когда скрипнули коленные суставы.

— Я иду в кафетерий перекусить. Пойдешь?

Том задумчиво улыбнулся, убирая оборудование.

— Не сегодня. Мэри дала мне с собой сэндвичи. С цыпленком и пророщенными бобами или еще чем-то столь же отвратительно полезным. Да, и пока не забыл: в эти выходные ты приглашен на ужин. Похоже, она вбила себе в голову, что ты нуждаешься в правильном питании. — Он усмехнулся. — Тебя-то она хочет подкормить. А мне дает лишь кроличью еду. Ну и где справедливость?

Я улыбнулся. Жена Тома была отменной кухаркой, и он отлично это знал.

— Передай ей, что я с удовольствием приду. Помочь тебе дотащить? — Я указал на его парусиновую сумку.

— Да нет, все в порядке.

Я понял, что он не хочет меня напрягать. Но хотя мы и шли к воротам очень медленно, я видел, что он задыхается. Когда я познакомился с Томом, ему было уже хорошо за пятьдесят, и он охотно поддерживал неопытного английского антрополога-